

Против отчаянья

*Александр Солженицын. Россия в обвале.
М., «Русский путь», 1998*

Перед тем, как ругать «Россию в обвале», ее стоит прочесть. Солженицын написал очень горькую книгу. Дело не в фактах. О невыплаченных зарплатах, коррупции, надругательствах над природой, авариях, оскудении образования, армейских нищете и беспределе, беженцах из бывших республик СССР, падении рождаемости и росте смертности мы знаем не только от Солженицына. «А теперь — и все признают, что Россия — расплющена», — замечает писатель, сравнивая день нынешний с 1990 годом, когда появилась его работа «Как нам обустроить Россию?». Тогда Солженицын предупреждал о возможных будущих бедах — не поверили. Теперь изрядная часть общества смотрит на настоящее и будущее страны куда мрачнее, чем Солженицын восемь лет назад. Проблема здесь, перефразируя Гоголя, не в ужасах, а в страхах России, в том, что сгустилось в расслышанный писателем вздох: «От нас ничего не зависит».

«Каждый раз, когда на встречах кто-либо из выступавших хвалил «прошрое» (коммунистическое) время сравнительно с нынешним, — ему аплодировало, на взгляд, две трети зала. Когда я пытался возразить, что присутствующие, даже по возрасту, не знают из прошлого скольких ужасов, — из зала раздавались голоса ропота». На таком фоне вторичен вопрос: «Кто виноват?». И если Солженицын отдает ему дань, жестко порицая Власть, то это следствие всегдашней его уверенности в том, что с Власти — спрос особый. (Читавшие «Красное колесо» знают, что главным виновником революции автор выводит лично благородного, трагически погибшего Николая II). При том никакие укоры Власти не отменяют одного из лейтмотивов книги: «Если мы сами не готовы к самоорганизации — не на кого нам жаловаться».

Не важно, и кто в минутном выигрыше. Как и у Некрасова, вопрос «Кому на Руси жить хорошо?» прост лишь на первый взгляд. Семь мужиков быстро поняли, сколь «весело» живется «господам». Кто сегодня в России доволен положением дел? Кто уверен в будущем? Олигархи? Чиновники? Политики? Как-то не чувствуется.

Солженицын спрашивает: «Если «эта страна», которою, при безграничном народном терпении, так удобно править, из которой так удобно вывозить миллионы и миллиарды, если она, наконец, подломится — так и высокостоящим придется же рух-

нуть? или искать заморского убежища?» И это не пустой вопрос, коли «между Властью и Народом глубинится пропасть — а Власть не хочет увидеть ее и осознать, что никакие полки и десятки тысяч охранников не поддерживают ее авторитета». Бог с ними, с полками, — с авторитетом как быть? Как быть с ностальгией по советчине, которую Власть сперва провоцирует дурными реформами (так по Солженицыну; другой скажет: «недостаточным их разъяснением»; кто-то предложит компромиссный вариант — суть не изменится), а потом пытается к своим нуждам приспособить. Диапазон широк: от разлива «ретро» на телеэкране до официозного «примирения и согласия». «В юбилейном обращении Президента (в связи с 80-летием большевистского переворота, день которого остается государственным праздником. — А.Н.) даже не были вспомнены тюрьмы ЧК-ГПУ и лагеря ГУЛАГа, — но нашлось место «понять и простить тех, кто совершил роковую историческую ошибку», промахнулся на теле России с Великой Доктриной. То есть и за белых, кто три года доблестно защищал Россию от красного оголтения, — теперь тоже великодушно все простили». (Ни одной потачки не дождалась наследники КПСС от автора «Архипелага». И не дождутся.)

Хуже — некуда? Всегда есть куда. Об этом и книга: «Но чего нельзя, нет, — решать дело оружием. Это значило бы — допоследне развалить нашу жизнь и погубить народ. Оружейные песни не знают доброго конца». Это называется предчувствием гражданской войны.

Можно махнуть рукой: обойдется. А если — нет? Отчаяние опаснее материальных бед. Человека оно приводит к самоубийству. К чему приведет народ? Именно симптомы народного отчаяния, в первую очередь, пугают (как ни дико звучит это слово) всегда бесстрашного и оптимистичного писателя. Бесстрашного и оптимистичного, ибо верящего — в Бога и в человека, что создан по образу и подобию Божьему. Отсюда — надежда: «Нет, еще — не добыты люди. Еще — живы их глаза и помыслы». Отсюда обращение к отдельному человеку. «Мой дух, моя семья да мой труд — добросовестный, неусыпный, без оглядки на захлебчивую жадность воровскую, — а как иначе вытягивать?»

Это ведь адресовано и людям Власти, и людям Денег (неожиданно возникает тезис: «не все же новобогаты — с обезумевшим волчьим сердцем»). Отсюда — императивы веры и совести.

Вновь изложив свою любимую теорию спасительного земства, Солженицын упреждает ходовое обвинение: «Конечно, и об этой, как и любой другой предлагаемой системе так же возразят: «да все равно пролезут карьеристы и воры!» Но это —

философия отчаяния: тогда вообще не надо искать, не предпринимать ничего, а сразу опустить руки: мы погибли».

Такой исход стоит срыва в новую Смуту, тихое отчаяние — раскаленного. С этим писатель смириться не может — потому и публикует «последнюю <...> на все эти темы» книгу, не надеясь (все же — почти), что его «соображения могут в близости помочь выходу из болезненного размыва нашей жизни».

Можно начать вязаться к частностям, заговаривая собственную тревогу. Только ведь от того не полегчает. Ни оппонентам писателя. Ни России.

19 июня 1998